Текст · 8 августа 2024, 16:21
Алла Константинова, Анна Павлова, Дмитрий Швец, Ольга Ромашова,

«Домой мы вернуться не можем. Мы оставили вещи. Мы оставили домашних животных». Жители Суджи — о том, как бежали от атаки ВСУ на Курскую область

В приграничных районах Курской области уже третьи сутки идут бои между силами ВСУ и российской армии. Отбить украинское наступление за это время не получилось, бои идут в том числе возле Суджи — города с пятью тысячами жителей в десяти километрах от границы. По непроверенным данным, столкновения идут и в самом городе, связи там почти нет. Сумевшие покинуть Суджу жители рассказали «Медиазоне» о своем бегстве от войны и о ситуации в городе.

Третьи сутки продолжаются бои в приграничном районе Курской области вокруг города Суджа с населением в пять тысяч человек. ВСУ зашли в этот район в ночь на 6 августа. Достоверной информации из этой местности практически не поступает, ясно лишь, что многие местные жители пытаются покинуть зону боевых действий, а под контролем ВСУ, по данным российских провоенных каналов, находится газоизмерительная станция, через которую топливо из России поступает в Европу.

По данным российских властей на утро 8 августа, в ходе боев погибли четверо мирных жителей Курской области, об этом отчитывался заместитель врио губернатора Андрей Белостоцкий. С его слов, двое погибших — водитель и фельдшер скорой

помощи, они находились в машине, по которой ударил беспилотник. Кроме того, журналисты «7х7» писали, что во время эвакуации погибла 28-летняя беременная женщина, которая пыталась выехать с мужем и двухлетним сыном.

Со слов чиновников, эвакуировано около трех тысяч человек, из них полторы тысячи находится в пунктах временного размещения. Глава региона Алексей Смирнов днем поговорил по видеосвязи с президентом Владимиром Путиным. По итогу разговора президент объявил, что люди, покинувшие свои дома, получат по 10 тысяч рублей.

Хотя власти Курской области и отчитывались об организованной эвакуации, многие местные жители говорят, что им пришлось выбираться самим. Они публикуют видео обстрелянных машин, на которых они пытались выехать из города в более безопасные места. Они рассказали «Медиазоне», как спасались от пришедшей в их город войны.

Пункт временного размещения в Курской области, 8 августа 2024 года. Фото: Владимир Гердо / ТАСС

Олег, 34 года. «В Судже у меня тетка осталась и брат. Они в погребе прячутся»

Я там живу, у меня там дом находится около маслодельного комбината. Началось все в ночь с

пятого на шестое, часа в три утра. Начались обстрелы. Мы по привычке вышли к себе в коридор, думали, что это как обычно, часто так происходит, уже к этому привыкли. Оказалось гораздо больше. И шло три часа подряд, не переставая. Стреляли по всей Судже: я вижу и там, и там дым идет, разные взрывы, и глухие, и из «Градов» они работали. В шесть утра какое-то затишье — все равно грохало, но не так интенсивно. Я взял жену, ребенка, собрал документы, и мы уехали к родителям за 30 километров в Большесолдатский район [Курской области].

Я не думал, что так серьезно все. Потом я поехал на работу в соседний регион. Когда подъезжал уже, начал читать, что происходит там, что уже [украинские военные] вышли с захватом и границу передавили. Я развернулся и поехал назад и забрал свою семью. Родители, соответственно, остались в Большесолдатском районе. Безопасное ли это место? Я не знаю. Там, мне кажется, километров сто до Курска безопасного нет ничего.

Из Суджи мы спокойно уехали, Бог помог. Конечно, это дело случая. Я как-то машинально все это понял и вовремя уехал, не было еще этого ажиотажа. Вещи все там остались. Я видел на видео соседний со мной дом — и от него один фундамент остался. Что с моим домом, я не знаю, на видео его не захватили.

В Судже у меня тетка осталась и брат. Они в погребе прячутся, насколько я знаю, но связи с ними нет. Еще когда я там был, у нас электричество сразу пропало, а потом и вода, и газ. Так что связи нет, никому не дозвониться.

Это у меня машина есть. Я прыгнул, уехал. А если у человека нет машины, куда он уедет, куда он побежит? Никакой информации от администрации нет вообще: что происходит, куда бежать, в какую сторону? Или сидеть в погребе? Это у меня так получилось. Бах, прыг, поехал. Я потом ехал уже в тоннеле Большое Солдатское — Курск, а там женщина на дороге стоит, голосует. Я ей останавливаю, она говорит: «Все пачками едут, в машину некуда залезть. У меня нет машины, кое-как на попутках». Вот как и мои родственники, у них не было машины.

На тот момент не было никакой эвакуации. Какая эвакуация? Было что-то организовано? Нет! Никто не понимал, что происходит. И сейчас никто ничего не понимает. Пишут, что Суджу вообще захватили, через полчаса пишут, что нет, Суджу не захватили. Такое количество вояк. Неужели никто ничего не видел? Или заранее нельзя было выяснить? Короче нет слов, одни эмоции.

Иван[1], 44 года. «Будут сидеть по подвалам, пока не придет наша доблестная российская армия и не сотрет город с лица земли»

У меня в Судже брат и мама. Племянник уехал оттуда вчера где-то в два часа дня: дома две машины, он на одну сел, остальные не захотели уехать. Говорит, [родственники] не хотели отпускать. Не знаю, решил ли мой брат переждать, но они остались там. Знаю, что многие выехали из города. Но вот кто там остался… связи нет, никак не узнать. А туда ехать — ну это как на самоубийство [отправиться].

Оттуда не выехать: простреливается город. Никто никого не эвакуирует, такая есть информация. На видео видно, что уже куча машин гражданских простреленных, и военных в городе как будто нет. В общем, как будто бросили город на произвол, живите, как хотите. Но связи нет до сих пор.

Будем надеяться, что все будет хорошо, у нас подвал есть. Я думаю, они смогут выжить, ну, надеюсь на это. Надеюсь, что просто будет оккупация и не будут [солдаты ВСУ] трогать мирных жителей. Будут сидеть по подвалам, никуда не выходить — и все, пока не придет наша доблестная российская армия и не сотрет город с лица земли.

Любовь, 33 года. «Домой мы вернуться не можем. Мы оставили все вещи. Мы оставили домашних животных»

Я нахожусь в Курской области. С зоны активных боевых действий мы с семьей выехали. Там без риска для жизни находиться нельзя, там мясорубка буквально вот. По всем данным, противник продолжает пробиваться вглубь, поэтому не безопасно нигде в области.

Дом в Судже после обстреда. Фото: телеграм-канал врио губернатора Курской области Алексея Смирнова

Никакой организованной эвакуации не было, никакого оповещения не было. Все было отпущено на самотек. Вся ответственность на самих жителях: ни оповещения о том, чтобы покинуть город, и ни какой-то помощи с эвакуацией в первые сутки не было. Все, видя ситуацию, выезжали, кто мог, сами.

У нас с трех часов ночи 6 августа начался массированный обстрел. Некоторые здания серьезно пострадали. После девяти часов утра, наверное, появилась информация о прорыве границы, официально нигде не озвученная, все из уст в уста между местными жителями. Стало понятно, что что-то надвигается. Но мы не ожидали, что это приобретет такой масштаб. Поэтому уехали мы налегке, без вещей, без ничего, рассчитывая, что в крайнем случае к вечеру как-то ситуация разрешится и мы сможем вернуться домой. В итоге вот где-то в 11 часов 6 августа мы из дома уехали.

Домой мы вернуться не можем. Мы оставили все вещи. Мы оставили домашних животных, потому что мы рассчитывали вернуться. Сейчас там продолжаются обстрелы артиллерии, обстрелы танков, по лесополосам сидит живая сила противника и обстреливает машины въезжающие, заминированы

дороги и поля. Местные, кто так же, как мы, все бросил и уехал, пытаются вернуться, хоть что-то забрать. Или, может быть, кто-то еще родственников пытается вывезти, потому что там еще остались жители, они выкладывают видео, там на всех въездах в город обстрелы транспорта, разбитые машины, и вернуться и забрать хоть что-то невозможно.

Мы уехали немного вглубь области, не у самой границы. Нам позвонили родственники и предложили у них пересидеть опасный период. Возможно, будем еще дальше куда-то двигаться, потому что не очень все хорошо, не очень спокойно. Это не первый обстрел и всегда — ну, отстрелялись, все, разошлись, живем дальше. В этом режиме мы живем уже не первый год, и такого мы не ожидали. И поэтому уехали абсолютно неподготовленными.

У нас кошки, у нас взрослая кошка и котенок-подросток, плюс у меня есть под присмотром кошки знакомых, которые уехали на каникулы в начале лета. Я за ними присматривала, и их никто не будет кормить, потому что мы уехали. В целом все животные в городе, за редким исключением, брошены, потому что кто-то не рассчитывал, что такой оборот все примет, кто-то в принципе не особо трепетно к ним относится. Поэтому в смысле зоозащитных вопросов там катастрофа.

Сейчас у нас нет информации о том, что там уцелело, что там разрушено. Мы не знаем, цел ли наш дом. Работа у нас еще есть, будет в обозримом будущем, если город отобьют. Будет ли нам куда возвращаться или нас там не ждет совсем ничего, мы этого ничего

не знаем, потому что военные информацию особо не разглашают. Местных там осталось немного, и те, кто остался, у них нет связи, потому что свет пропал еще ночью, в начале обстрела. Поэтому мы не знаем, мы ничего не знаем.

Там у нас квартира и стройка, начатая и не завершенная, но, видимо, уже которая никогда завершена не будет.

Никакого оповещения адресного [о компенсациях] нет. И пока я не находила никаких публикаций с какой-то конкретной информацией о компенсациях. Конкретного ничего никто не знает. Все на уровне слухов от человека к человеку переходит, кто-то где-то что-то услышал, вычитал, у кого-то какие-то родственники в администрации или еще каких-то органах власти, в общем, седьмая вода на киселе, что-то там сказали. Насколько это соответствует действительности, представить невозможно.

Большие разрушения в городе. Тех организаций, в которых мы работали, возможно, больше не существует. Возможно, нечего восстанавливать. Или затраты на восстановление будут несоизмеримы с тем, какой доход эта организация приносит. Плюс, опять же, из уст в уста, никакой официальной информации. Мародерство никто не отменял. Кто-то остался, и кто-то, кто нечист на руку, в общем... Неизвестно вообще даже, отобьют ли город обратно, если он отобьется, будет ли он восстанавливаться. Будущее туманно. Мы не знаем ничего, все на уровне «одна бабка сказала».

Работодатели тоже уехали, работодатели тоже люди, которые бросили и свои дома, и свои предприятия. Неизвестно, кто захочет возвращаться, кто не захочет, у кого будет смысл и возможности вернуться, у кого не будет.

Никто точно не знает, что нас ждет. Предлагают размещение в пэвээрах[2], пунктах временного размещения. Пока школьные каникулы, это в школах, в спортзалах стоят штабелями койки. Где-то здания санаториев, лагерей, но, опять же, их вместимость ограничена, предлагают 400 человек разместить, там, до 600. А учитывая то, что свои дома вынуждены были покинуть, ну, порядка 20 тысяч человек, это несоизмеримо с тем, что предлагается. Кто-то по родственникам, у кого-то были квартиры в Курске, хотя бы подальше от линии боевых действий, и людям было куда уехать. Кто-то в этих пэвээрах, кто-то снимает жилье. В связи с этими событиями цены на сдаваемые дома и квартиры заметно выросли. Кто-то еще пытается на этом спекулировать.

Мы видим то, что в официальных СМИ освещается, это действительности соответствует на ноль целых ноль десятых процента. Мы смотрим телевизор и слушаем рассказы о том, как у нас все хорошо, сидя при этом в ста километрах от своего дома и не имея возможности туда вернуться и забрать хотя бы какие-то вещи первой необходимости, забрать своих животных, узнать, есть ли у нас еще дом. А нам говорят, как у нас все прекрасно и никакого ни захода не было, а если он и был, то он успешно отбит.
Но при этом там сконцентрированы немалые силы противника на территории города, и попасть туда

никакой возможности… Попасть можно, но вернуться живым очень сомнительно.

Спутниковый снимок пограничного перехода «Суджа» в Олешне, Курская область, 6 августа 2024 года. Фото: Planet Labs Inc / Reuters

Яна, 31 год. «Там бухало, бухало, и под эти бухи мы уезжали с двумя детьми»

Мы смогли выехать, что там происходит, я не могу сказать. Еле выехали в тот же день на своей машине.

Началось все с начала четвертого утра, и просто всю ночь они не прекращали. Одно окно в детской у нас уже вылетело на тот момент, когда мы уезжали. Никакого затишья не было. В десять утра они еще не прекращали, били и «Грады», и ракеты. Там бухало, бухало, и под эти бухи мы уезжали с двумя детьми. Все напуганы были. У нас напротив храм, туда прилетела ракета, начался пожар.

Мы уехали в Курск, все делали самостоятельно. В Судже родственников не осталось, что там происходит, неизвестно. Связи там нет.

Руководитель **Conflict Intelligence Team** Руслан Левиев на стриме «Медиазоны» заметил, что, в отличие от рейдов под вывеской Русского добровольческого корпуса и легиона «Свобода России», на этот раз ВСУ не публикуют никакой информации о ходе операции. Более того, власти Украины ее пока никак не прокомментировали, лишь Владимир Зеленский во время презентации приложения для военных «Армия+» сказал, что

украинская армия «умеет удивлять», не уточнив, что подразумевает.

Согласно анализу Левиева, в рейде в основном участвуют регулярные части ВСУ, а Россия, предполагает исследователь, будет перебрасывать в этот район Росгвардию, ФСБ и военных. Он упомянул видео, на котором видно, как украинские военные ведут около двух десятков военнопленных, вероятно, часть из них срочники.

Он считает, что именно благодаря тому, что ВСУ противостояли в основном срочники, украинской армии удалось значительно продвинуться на территории Курской области, однако, полагает Левиев, дальнейшего продвижения ждать не стоит, потому что фактор внезапности уже утрачен.

Максим[3], 18 лет. «Сказали, что эвакуации не будет сегодня, а может и завтра — ждут, пока военные разрешат, потому что там жопа»

Позавчера [6 августа] херачило, мы дома были — все знакомые уже уехали, а мы еще остались в Судже. И дроны летали, и ракеты, куда-то по вокзалу, за вокзал херачили. Мы генератор принесли. Я потом лег спать, он должен был поработать около восьми часов, у нас около пяти литров бензина было. В итоге я заснул, проснулся в девять вечера, родители сказали, что его хватило, по-моему, на два или на три часа.

В итоге мы к десяти пошли на вокзал, поймали связь — днем она еще была, а к вечеру ни связи, ни интернета. Батя еще на работу пойти додумался,

типа, к назначенному времени придет [на остановку], если автобус приедет, говорит, то пойдет [на работу]. Дебилизм.

Я родителей пытался уговорить, но они в итоге остались. В итоге я где-то в десять вечера вчера [7 августа] поехал [на автомобиле], где-то к двенадцати-часу уже в Курске был. Они остались, сказали, не могут бабушку оставить — там еще в другом подъезде лежачая [пенсионерка].

Отец должен был позвонить мне в районе 12 ночи того дня, узнать, доехал ли я. В итоге он мне так и не позвонил. Говорил мне: «Мы, если что, до утра подождем и поедем». Ну и связи с ними второй день тоже нет.

Вот буквально пару часов назад мне отправляли видос: дорога раздолбана, осколки, побиты окна, мины лежат на кольце... Уже в 112 звонил, заявку на эвакуацию оставлял. Вчера сказали, что сегодня в десять утра будут списки пофамильные. Сегодня позвонили, сказали, что эвакуации не будет сегодня, а может и завтра — ждут, пока военные разрешат [выезжать из города], потому что там жопа.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя изменено.
2. Пунктах временного размещения (ПВР).
3. Имя изменено.